

И снова Памир долгожданный...

Рассказ о путешествии по Северо-Западному Памиру от Ванча до Джиргитала составлен из походных записей и воспоминаний новосибирцев Г. Сальникова, В. Ветлужских, О. Мешкова, Ю. Маслобоева, А. Хачкова и отрывков из статьи австрийского альпиниста А. Sperlich'a, переведенных с немецкого Г. Сальниковым.

Георгий Сальников: До сих пор с трудом верится, что это реально. Мы собираемся на Памир! Идея и первые варианты маршрута родились у участников. Обязательным условием было восхождение на пики Евгении Корженевской и Коммунизма в рамках похода шестой категории сложности. Над этим пришлось еще думать и думать... Как это ни абсурдно, но обе вершины, на которые мы непременно хотели подняться, не помогали, а скорее мешали проложить красивый туристский маршрут. Много вариантов пришлось перебрать, пока не образовался один, который, кажется, нравится всем. Володя Юдин, наш тренер и основатель секции горного туризма, оценил его примерно такими словами: «Сначала я думал, что это блеф — не пройдет. Потом посчитал внимательно и пришел к выводу: хотя пройти ваш маршрут очень тяжело, но в принципе возможно!» — и благословил нас.

Костяк группы — несколько очень опытных участников примерно моего возраста. Так что руководитель может себе позволить такую роскошь, как полностью сложить с себя контроль за подготовкой продуктов, аптеки, переговоры о транспорте и пропусках в погранзону. Дима (Вадим) Ветлужских — завхоз с огромным стажем. Он же наиболее коммуникабельный, у него хорошо получается общаться как с местным населением, так и в официальных кругах. Олег Мешков отвечает за аптеку. Он известный в Академгородке спортсмен-лыжник, а за свою туристскую биографию побывал на четырех семитысячниках и поднимался на К2 до высоты 8300, так что со спортивной и высотной спецификой знаком не понаслышке. Юра Маслобоев помогает искать информацию по маршруту. В походе он больше всех фотографирует, исчерпывающие фотоматериалы для отчета — это прежде всего благодаря ему. Молодые участники — тоже не лыком шиты. Андрей Хачков, Максим Протасов, Петя Юдин и единственная в группе барышня Марина Таракановская — все уже имеют в своем активе или пик Ленина, или Хан-Тенгри.

Ночью отлет в Душанбе. Собираю новый рюкзак, который так и не успел дошить. Количество груза выглядит все более устрашающе. Взвешиваю телескопические палочки: 600 г — с сожалением убираю обратно в кладовку, буду обходиться без них. Телеобъектив к фотоаппарату — тоже полкило, убираю и его. Потом глаз падает на одну из фотографий, сделанную этим объективом в каком-то из прошлых походов. Тут я побороť себя уже не могу, объектив возвращается обратно в рюкзак, будь что будет...

На удивление, таможенных проблем по приезде в Душанбе нет. В аэропорту молодой пограничник терпеливо объясняет, как правильно заполнять миграционную карту, и мы без задержки проходим в город. Милиция не придирается, показать паспорт в

Душанбе никто не просит. Приятный контраст по сравнению с Алма-Атой. На базаре есть все продукты, которые надо закупать, зря нас пугали. Ночуем в Лучобе на базе МЧС, мы туда попали по знакомству.

Олег Мешков: В первой части похода наша группа была интернациональной. Вместе с нами по Памиру путешествовали два немца — Томас и Агнесс и австриец — Альфред. Они присоединились к команде в Душанбе по моей рекомендации. Я знал Томаса и Агнесс по совместным приключениям во время траверса Монблана, и они казались мне вполне готовыми для того маршрута, который мы собирались пройти. Альфреда, друга Томаса и Агнесс, хорошо знал мой отец по восхождениям в Альпах и считал его спортивную подготовку еще более высокой по сравнению с немцами. Все трое обладали достаточным высотным опытом, собирались в МАЛ «Навруз» на поляне Москвина и надеялись, что поход позволит им получить хорошую акклиматизацию для восхождений на пики Корженевской и Коммунизма.

Наконец, мы оказались в горах. Если российская часть группы была схоженной и принадлежала к одной туристской школе, то про иностранцев все, в том числе и я, знали не очень много. Можно было понять, что наши попутчики — ребята неприхотливые и доброжелательные, но как-то они изменятся под сорокакилограммовыми рюкзаками? Будущее показало, что наши опасения были излишни. Немцы с удовольствием лопали нашу стряпню, безропотно дежурили наравне с нами и даже научились самостоятельно обращаться с российским «ноу-хау» — трехголовым примусом «Змей Горыныч». Ночевали они в отдельной палатке, но в ненастные вечера мы собирались все вместе на ужин в нашу вместительную «канченджангу», которую называли «рестораном».

Г.С.: Месим грязь в рандклюдте ледника РГО. Что делать, такой уж это ледник, этим нам предстоит заниматься весь день. В начале похода, как обычно, тяжело, но завтра мы кладем заброску, и дальше будет легче. Немцы идут в нашем темпе хорошо, но у них микроскопические рюкзаки — шить самостоятельно в Европе не принято, а более семидесятилитровых в тамошних магазинах не продают. Половину груза им приходится нести на внешней подвеске, смотрится такой ридикюль с кучей всяких рюшечек довольно смешно. Однако, немцы стараются.

К вечеру мы в моренном кармане. Много лет назад здесь было теплое озеро, теперь только ручеек. Здесь есть немного дров, их должно хватить, бензин решаем поберечь. Вдруг откуда-то со скалы сверху раздаются крики, и на нашу площадку падают еще большие и сухие дрова — это, оказывается, Петя не поленился сбегать наломать их на склоне. Ночуем без палатки: «На Памире дождей не бывает».

На следующий день по пути попадается ледниковое озеро. На вид оно выглядит теплым (лед не плавает), а значит, в нем нужно купаться. Объясняю немцам нашу теорию: если в озере не искупаться, то это все равно, что если бы ты его и не видел. После этого мы с Димкой бросаемся в воду. Томаса и Агнесс устраивает наше объяснение, они купаются тоже. Альфред — нет, он нам, кажется, не поверил.

Альфред Шперлих: Во второй половине дня я сопровождаю Жору и Андрея, специалистов по льду, в разведку ключевого участка плеча Гармо: перехода из ледопада на левые боковые скалы. Результат отрезвляет даже русских, которые, кажется,

иначе, чем мы, относятся к риску: огромная, готовая в любой момент упасть ледовая башня заставляет нас в раздумьях вернуться в лагерь.

На следующий день мы напряженно пыхтим по ледопаду к перевалу Кашалаяк. В снежной метели мы вынуждены разбить лагерь, и все заползают вместе с примусом в русскую палатку. Нехватка кислорода в ресторане «На улице Горького» невероятно ускоряет акклиматизацию.

Наутро нам открывается великолепный ландшафт на спуске к леднику Федченко, самой длинной ледовой реке за пределами полярных регионов. Ограничивают следы в снегу, в которых мы движемся друг за другом, связанные русской «проволочной» веревкой, чтобы не бултыхнуться в трещину. Однако, как перила эти веревки идеальны.

Здесь мы находимся в области работы немецко-советской экспедиции 1928 года под руководством Рикмера Рикмерса. Тогда здесь последний раз побывали немецкоязычные горвосходители. В числе прочего, Ф. Борхерсу и К. Вину удалось через перевал Кашалаяк пройти в долину Ванча. Эрвин Шнайдер в рамках этой экспедиции сумел с юга впервые взойти на пик Ленина. Наша следующая цель названа в честь профессора Шмидта, одного из русских участников экспедиции.

Далее вверх ведет ледник Федченко, и через несколько километров на запад ледник Елены Розмирович к перевалу Шмидта (5000 м), на котором мы ночуем для лучшей акклиматизации. Великолепен вид на очередной этап нашего похода, подъем на плечо пика Гармо.

С напряжением мы осматриваем на следующий день ключевой участок подъема на Гармо. И, о чудо, ледовая башня упала! Оставшийся хаос из нестабильных кусков льда пробуждает у наших русских друзей удовлетворение. По ним нам удастся достичь скал, где мы обрабатываем первые двадцать метров перильными веревками. Таким образом, это место проблем больше не представляет, и по крутому фирновому кулуару мы достигаем верхнего края первого из трех ледопадов.

В честь удачного дня открывается бутылка смородинового варенья. Она была запечатана в Новосибирске — на высоте 100 м над уровнем моря! Здесь, на высоте 4000 м, результат покрывает все поверхности. В течение некоторого времени можно наблюдать, как бородатые восходители облизывают скалы.

Г.С.: В рандклюдте второй ступени упираемся в почти такой же ледовый затор, как тот, что только что обошли. Там, где раньше всегда ходили, теперь пройти нельзя. Снимаем рюкзаки. Юра и Олег исчезают в сераках искать обход и долго не появляются.

Первая веревка на маршруте.
Перевал Кашалаяк.

Плечо Гармо.

ся. От нечего делать решаем залезть другой связкой на склон, может быть, затор не протяженный, и удастся обойти его по скалам. Забираемся довольно высоко, под нами ледопад и два маленьких человечка в нем. Видим, что обхода нет, вернее, он слишком длинный, придется много вешать. Используя свой наблюдательный пункт, стараемся рассмотреть получше и запомнить места, где ледник менее всего расчленен, может быть, там удастся найти приемлемый путь. Кричим разведчикам в ледопаде, чтобы залезли на большой серак, нам сверху кажется, что через него можно пройти. Юра и Олег сначала смотрят на нас, как на идиотов, потом взбираются на указанный серак, но вскоре возвращаются: там тоже нет ничего интересного. Как следствие, вечером открывается ресторан «У веселой ледниковой трещины».

Разведка в ледопаде РГО.

Утром проход оказывается быстро найден. Настроение боевое. Сейчас проскочим последнюю, самую простую, ступень ледопада, и ночуем под перевалом. Не тут-то было. Последнюю ступень тоже не удастся пройти с ходу, мы увязаем где-то в ее середине и ночуем в мульде среди трещин...

Погода великолепная. Круговая панорама с плеча Гармо впечатляет. Кругом сплошное покрывало гор. Далеко на юге выглядывает пик Революции. На северо-западе отчетливо виден пик Ленина. Пики Россия и Коммунизма совсем рядом. Народ хватается за фотоаппараты. Я трачу почти целую пленку. Немцы тоже восхищены величественными видами. Да, сюда действительно стоило идти — ради одной только этой панорамы. На седловине проводим около часа. Чтобы заставить себя уйти, придется совершить над собой усилие. Спуск относительно несложный. К вечеру уже успеваем добежать до первых камешков. Все в восторге от перевала. Всеобщее ликование подкрепляется колпачком химически чистого спирта.

Неэвклидова геометрия.
К перевалу на четвереньках.

О.М.: За три дня перехода «по большим ледникам» — Бивачному, Федченко и Малому Танымасу — все шло достаточно гладко. Однако, разделение на две команды стало более заметным, чем в начале похода. Самочувствие Томаса ухудшалось. К проблемам с коленом добавились сложности с желудком, возникшие еще в Душанбе. Так что поджидаем частично разгруженного Томаса на привалах, Агнесс следит за ним, а здоровый кабан Альфред смотрит, чтобы оба не отстали от группы далеко.

А.Ш.: На Танымасе снова имеется кое-что отпраздновать: самую низкую точку экспедиции. Для этого торт «выпекается»: Жора варит сухое молоко с сахаром до состояния густой массы, добавляет топленое масло и шоколад и перемешивает все это в полиэтиленовом мешке с сухарной крошкой, которая накапливалась все эти дни. Наконец, всему содержимому придают форму торта и ставят на холод в ледниковый ручей. На ужин изысканность с большим торжеством подается на стол на снежной пиле, как на подносе.

Ледник Бивачный.

Следующий день представляет единственный сложный участок перевала Интеграл. Нам нужно заползти вверх по крутому мокрому рандклюдфту между ледопадом и боковыми скалами под угрозой камнепада с сераков. Я начинаю ругаться, так как другой вариант обхода ледопада мне кажется легче. На что Жора, он отлично говорит по-немецки, только несколько лапидарно, замечает: «Что ты хочешь, перевал имеет сложность 2Б, так что должна же где-то быть задница».

Из рандклюдфта мы попадаем на маленькое плато, где останавливаемся на обеденный отдых. От грохота ледового обвала все снова вскакивают. Лавина проходит опасно близко к предложенному мной варианту подъема по другой стороне долины, и Жора говорит: «Видишь, все-таки есть Бог!»

Лавина на Малом Танымасе.

Теперь мы наблюдаем последнее препятствие во всю величину: тысячеметровая камнеопасная ледовая стена на перевал под пиком Четырех. Стена обращена на восток, так что она рано оказывается на солнце, и черные борозды от камнепадов ясно дают понять, что мы должны подниматься очень быстро. Самое позднее к девяти часам утра нужно преодолеть две трети стены. Нижняя треть не проходима без страховки.

Напряжение нарастает. Будем ли мы достаточно быстры?

Еще во второй половине дня Жора отправляет Максима, Петю и Андрея, которые должны с помощью шести веревок и двадцати ледобуров обработать первые триста метров, утром скорость — это все.

«Swaboooodna!» — звучит на стене уже в течение нескольких часов со всех сторон, когда кто-либо из нас освобождает перильную веревку следующему...

Андрей Хачков: Итак, вылезли мы по вчерашним веревочкам, дождалась следующую связку и пошли. Дальше пешком вверх и вправо. В 8³⁰ показалось солнце, на склоне стали летать первые камни.

Мы шли до бергшрунда, потом под ним, после поднимались до следующего, и так далее. Короче, под прикрытием: обстрел, как на войне.

Но, только мы забежали под очередной бергшруд, сверху обвальчик. Каменюки полетели по склону. И прямо Жоре по часам камнем! Часы, понятно, вдребезги, но рука цела. Потом пробежали еще малость до безопасного места. Дальше надо снова вешать — под скалы, вроде не сыплет оттуда.

Я пошел первым. Две веревочки до скал с максимальной скоростью, дышалка сбивается, стоишь, отдыхаешь и смотришь внимательно вверх — не летят ли камни. Потом стал вешать вверх вдоль скал, не заходя на них и не отклоняясь вправо.

Третья, четвертая, пятая веревка, а лед все круче. Попросил у Жоры его «шакал», Альфредовский на крутом льду совсем не держит. Вот тебе и Grivel — изматерился, пока с ним веревки вешал. Ледоруб легкий, центровка плохая, машешь, машешь, а он во льду не зарубается. Взял я Жорин «шакал», и дело пошло веселее. Зарубается почти всегда с первого раза.

Просили меня снять рюкзак — отказался. Как-то я без рюкзака провешивал, погода была снег с дождем, и после тринадцати веревок чуть не помер от холода. Да и рюкзак уже совсем легкий стал — только личные вещи, а все буры мои на веревках, банка с тушенкой не в счет...

Г.С.: Поднимаюсь по перилам вторым, выпускаю на страховке Андрея. Снизу подходит Юрка, несет веревку.

— Ну как, сколько еще осталось?

Присматриваемся, нам кажется, что Андрей уже выходит на седловину.

— Эй, Андрей, ты вышел?

— Перила готовы, веревку давай! — доносится сверху.

Ясно, значит, это только перегиб. Так повторялось еще три раза, пока мы, наконец, не вышли на перевальную седловину.

А.Ш.: Русские шуруют вперед и вниз к последнему обеденному отдыху. Нет больше никакого рационарования, так как запасы подходят к концу. Бежим по последним моренным увалам вниз к лагерю, которого мы достигаем на заходе солнца. Нас ожидают свежие запасы — доставленные вертолетом — и горячее питание в столовой.

Европейцы следующий день лентяйничают, русские занимаются различными ремонтными и хозяйственными работами. Старая, возникшая от бедности, традиция самостоятельно изготавливать снаряжение жива в России до сих пор. Причем, сегодня за этим кроется не столько нужда, сколько желание изготавливать вещи в точности согласно собственным представлениям или качественнее, чем коммерческие продукты. Жора, например, по профессии химик и программист, сшил себе рюкзак на собственной швейной машинке, а его ледоруб сделан вручную из старых частей вертолета.

К вечеру русские уже так хорошо отдохнули, что решили на следующий день отправиться к пику Корженевской. Приглашение идти с ними я радостно принимаю. Агнесс и Томас хотят выйти несколько позже в более спокойном темпе.

Таким образом, после обильного завтрака мы пересекаем ледник Москвина и оставляем за собой 1400 м высоты до лагеря в Гроте. Со сравнительно легкими двадцатью килограммами за плечами мы успеваем подняться ко второй половине дня и вполне удовлетворенно заползаем в палатку вдевтером. Перильные веревки облегчают нам на следующий день подъем до 6100 м, где мы оставляем наш груз. В

10³⁰, подкрепившись кофе и супом, мы идем в направлении вершины. Нужно одолеть 1000 м высоты по широкому южному ребру. Погода туманная, и солнечное облучение иногда значительно. В 15³⁰ в снеговых облаках мы стоим наверху. Видимость нуль. Удовлетворение моим первым семитысячником невероятно. Усталость дает о себе знать.

Юрий Маслобоев: После спуска с Корженевы, ввиду полного отсутствия клиентов, получаем официальное предложение в МАЛовскую столовую. Разумеется, в режиме максимальной кухонной помощи местному повару. За общим обеденным столом во время сеанса радиосвязи с пиком Коммунизма узнаем, что сейчас сверху спускается Владимир Юдин с группой коллег альпинистов и группа туристов МАИ под руководством Петра Рыкалова. Решаем с Петей и Максом сходить их встретить. Местом встречи выбрана вертолетная площадка. К моему изумлению, оказывается, что разговор идет не о поляне на берегу местного озера. А идти до места встречи на повороте ледника Вальтера — полтора часа налегке. Но нас этим уже не остановить. Тем более, на собственной шкуре знаем, как приятно, когда тебя встречают после спуска с горы.

На вертолетную площадку выходим с двух сторон одновременно с группой из МАИ. Видим на их обгорелых лицах восторг от нескольких упаковок сока и, главное, азиатской дыни. А вечером был банкет, посвященный удачному завершению сезона. Как сказал Володя Юдин: «Для чего мы ходим в горы? Чтобы в нашей жизни было место подобным встречам». Действительно, за общим столом собралась замечательная компания: Владимир Юдин — одиннадцать раз поднимавшийся на пик Коммунизма, Андрей Пучинин и Сергей Лавров — этим летом закрывшие звание снежного барса, наша группа, группа москвичей, побывавших к этому моменту на обоих местных семитысячниках. «А потом пошли провозглашаться тосты...»

О.М.: Утром все заняты делом. Гиды укладывают вещи, консервируют лагерь. Сегодня последний вертолет. Мы тоже потихоньку собираемся, нам — по ребру Бородкина к пику Коммунизма, и дальше по маршруту. Прощаемся с нашими немцами. Как бы то ни было, их компания стала, наверное, первой иностранной группой, прошедшей такой сложный туристский маршрут! До полноценной «шестерки» недостает совсем немного. Мы совершенно нормально взаимодействовали друг с другом, и случавшиеся разногласия ни разу не переросли в серьезный конфликт. В целом, разноязыкость команды стала еще одной изюминкой и без того интересного похода.

На ребре пика Евгении Корженевской.

Пик Евгении Корженевской.

Г.С.: Оставляем заброску на стоянке «Восток» на фирновом плато, поднимаемся на гребень пика Душанбе. Петя и Юра — самые выносливые — протаптывают дорогу. Вдруг от их ног отрывается небольшая снежная доска. Через пару десятков метров лавина остановится на выполаживании склона. Но это потом. А в момент отрыва мы с Димкой — самые «стреляные воробьи» — не успеваем ничего сообразить, как оказываемся спрятавшиеся в ледовой трещине метрах в тридцати в стороне. Никогда не представлял себе, что можно бегать такой спринт с рюкзаком на высоте 6400.

Во второй половине дня выходим на пик Душанбе. Высота 6950. Чувствуем себя нормально. Погода хорошая. До пика Коммунизма рукой подать, но и отсюда он кажется все еще очень высоким. Что-то у нас получится завтра... А пока беру фотоаппарат и иду на край гребня — фотографировать плато Правды и склоны пика Россия — глядишь, пригодится.

С утра погода оставляет желать. Но пережидать здесь у нас нет времени. Так что поднимаемся, как есть. Путь к «Коммунизму» идет через «Лопату» — длиннющий крутой фирновый склон. Почему он нелавинноопасен — загадка, но это действительно так. Идем все вместе. И Маринка с нами старается, терпеливая девчонка, молодец! Сверху нагоняет облака, иногда мы даже перестаем видеть гребень над «Лопатой».

Вершина пика Коммунизма симпатичная, сложена из причудливо выветренных скал с вкраплениями пирита. Жаль, что здесь, как и на Корженеве, нам опять не повезло с погодой. Молоко. Видимость нуль. Хорошо хоть, вчера с пика Душанбе не поленился пофотографировать...

Как ежики в тумане, идем вниз. Особенного экстаза от восхождения на высшую точку СНГ не ощущается. Наверное, тому есть причина: мы не альпинисты, вершина не есть наша главная цель, у нас на маршруте еще три сложных перевала, и на сегодня планов громадье — хорошо бы успеть спуститься на плато. Начинается снегопад. У стоянки на Душанбе задерживаемся ненадолго. Легкий перекус с чайком, собрали манатки, и — вниз. Хотя, собственно, вниз получилось тоже не сразу: долго пришлось пучить глаза с купола Душанбе, пока разглядели сквозь разрывы тумана начало гребня, следы наши уже замело.

Вот скалы на гребне Душанбе кончились. Дальше тропа по идее должна забирать вправо. Но снег валит и валит, на склоне уже возможна лавинная опасность. Решаем идти прямо вниз по линии падения воды: с плато мы, кажется, видели, что там можно спуститься. Юра и Петя попеременно быстро топчут тропу. Попадается очень приличный бергшрудн, надо прыгать. Внизу мягкий снег, но высокогато, решаю делать это без рюкзака. Кричу участникам, которые уже там, чтоб ловили. Кидаю им свой куль, прыгаю сам. Остальным советую последовать примеру и катапультировать рюкзаки отдельно. Маринка кричит «ловите», но кидает почему-то не нам, а в сторону. Дотянуться до него не удастся, и, перекачываясь с боку на бок, рюкзак исчезает в пелене тумана. Желая ободрить расстроенную девушку, говорю: «Ничего страшного, у тебя

На вершине пика Коммунизма.

не было важного снаряжения, мы можем продолжать маршрут и без него». Впрочем, я, кажется, ее этим нисколько не утешил.

Бежим дальше вниз по линии падения воды. Точнее — по линии падения рюкзака. Но что это внизу черненькое белеется? Неужели он? Точно — Маринкин рюкзак собственной персоной, и даже не развязался! Настроение повышается. Теперь надо бы пересечь ледник, выйти к стоянкам «Восток», где осталась наша заброска. Но ничегошеньки не видно в тумане. Приходится воспользоваться компасом, редко применяемым в больших горах предметом снаряжения.

Памирское Фирновое Плато — особая точка нашего маршрута. Начиная с этого момента, мы идем домой. По кратчайшему пути, почти по прямой, если смотреть на карте. Только есть одно но: через три перевала, два из которых — наивысшей категории сложности, ЗБ.

Почти весь следующий день идем вдоль плато. Облака ползут низко, над самыми головами. Как бы опять не затянуло... После обеда выходим к пику Парашютистов. «Пик» — громко сказано, это просто выступающий острый угол. Здесь начало ребра Буревестника, по которому нам спускаться.

Когда-то здесь много ходили. И сейчас еще лежат здесь куски досок и какой-то арматуры. Обвешиваемся снаряжением и выходим на ребро. Нам предстоит сбросить до ледника Фортамбек два километра высоты, две трети пути надо провешивать, но эта работа в основном на завтра. Сегодня до вечера пройти бы веревочку пять, там должна быть хорошая площадка для ночевки.

Пять веревок пройдено, и вот площадка. Отдав распоряжения касательно организации ночевки, идем с Андреем налегке дальше — хотим навесить с вечера еще пару-тройку веревок. Как раз здесь не очевидное место: раздвоение гребня, нужно наметить правильный путь. Тут налетает туман. Больше получаса стоим, как дураки, на склоне, потому что ничего не видно. Потом видимость чуточку улучшается, и мы успеваем до темноты повесить еще сотню метров перил.

Утром — быстро вниз. Установка на прохождение всего ребра за день. Я был здесь семнадцать лет назад, поэтому выбираю путь. Дима и Петя снимают веревки. Работа спорится. К обеду попадаем на плечо. За бугристую форму его называют «Верблюд». По одному подходят участники. Я сам сбился со счета, поэтому спрашиваю, кто считал перила. Оказывается, мы прошли десять веревок. Здесь, на Верблуде, середина гребня — значит, после обеда нам предстоит примерно столько же. Ничего, темп хороший, должны успеть засветло.

Скалы кончились, дальше метров семьсот крутой осыпи. Не дожидаясь всей группы, иду вперед — посмотреть, можно ли спуститься пешком. Не очень удобно, но приемлемо. Остановиться на косогоре оказывается негде, поэтому спускаюсь до самого подножия ребра. Вижу высоко на гребне Диму и Петю, снимающих, кажется, последнюю веревку. Сейчас все тоже придут сюда...

Памирское Фирновое Плато.

Люди уставшие, но довольные. Удовлетворение полное. Еще бы, два дня назад — пик Коммунизма, а сегодня — больше двадцати веревок по скалам за один день! И ночевка на травке. Хочется чего-нибудь праздничного. Например, сварить плов. На улице снегопад, готовим в палатке. Меня группа с самого начала похода отстранила от регулярного дежурства, вменив в почетную обязанность работать на примусах, когда приходится кочегарить прямо в «ресторане». Так что и сейчас варю-стараюсь. Плов удался на славу. И в этот же вечер допит последний спирт.

Фортамбек оказался на удивление ровным и спокойным ледником. Час ходьбы, и мы на поляне Сулоева. Когда-то здесь каждый год базировались экспедиции. Сейчас никого нет, разруха. В одном из полуразвалившихся домиков обнаруживаем медицинские весы. Больше всех — 12 кг — сбросил Макс. Дима похудел на 9 кг. Я обещаю, что сейчас проверю на себе правильность показаний: все последние походы я довожу свой вес до 63 кг — независимо от того, сколько весил дома и сколько пройдено ходовых дней. Встаю на весы. Ровно 63 кг — весы правильные.

Пик Коммунизма.
Вид с поляны Сулоева.

Впереди перевал Бырс. Когда-то давно я один раз был на нем и почти ничего не помню. Это значит, что, по-видимому, там не встретилось ничего сверхъестественного. По крайней мере, с этой стороны, а на спуске будет крутой длинный ледовый склон и небольшой ледопад, который обходится слева. Завтра, как мне кажется, перемахнем этот последний сложный перевал и, может быть, уже заночуем на травке. Как бы не так, человек предполагает, а Бырс располагает...

Четырнадцать веревок на спуск пройдены, бежим по леднику. Для обхода ледопада прижимаемся влево, но на душе уже царапают кошки, что-то мне здесь не нравится. Семнадцать лет назад Бырс выглядел гораздо лучше. И вот засада. Слева мощный скальный прижим, под ним — месиво из нависающих сераков, как под перевалом Гармо в начале похода. Плохо дело. Макс без рюкзака спускается вниз на всю длину веревки. Усаживается там верхом на серак, дальше пройти, видимо, не может. Да если и мог бы — с рюкзаками в таких разломах все равно делать нечего. И долго здесь торчать, вить гнездо нельзя, место опасное. Надо срочно что-то предпринимать.

Время уже движется к вечеру. Обработать неожиданный сложный участок до темноты можем не успеть. Поэтому находим в стороне от прижима широкое безопасное поле между сераками и устраиваемся на ночевку. Утро вечера мудренее. Ночью под нами все время что-то щелкает и ухает, иногда ледник вздрагивает. Утром Андрей, он дежурит, делится впечатлениями: «Вылез из палатки, а перед ней — свежая трещина! А мой рюкзак — по ту сторону. Я его хвать, и на нашу половину перетащил, от греха подальше...»

Перебираю скальные крючья, сколько-то веревок понадобится? Минимум две, но как бы не больше. Подходим. Еще раз смотрю, где вчера лазил среди сераков Макс. Нет, с рюкзаками там совсем задница, надо пробовать идти по скалам.

Косой спуск. Прохожу метров пятнадцать. Трудно, еле удерживаюсь, чтобы не сорваться на маятник. Приходится делать промежуточную станцию, потом еще одну, и еще. В конце веревки подхожу к сераку, он кажется мне довольно надежным. Закручиваю в него бур, боюсь. Решаю для верности завернуть еще один, как полагается. Тут — шелк! — по моему сераку проходит свежая трещина, и как раз через то место, где завернут первый ледобур. Тьфу-ты, нет, надо держаться отсюда подальше.

Возвращаюсь снова на скалы, мне приносят следующую веревку. Теперь иду траверсом по шестидесятиградусному карнизу из натечного льда, чуть ли не носом упираясь в скальную стенку прижима. На счастье, как раз тут попадает качественная горизонтальная трещина, в нее хорошо идут швеллера, можно надежно страховаться. Смотрю вниз — нет, рано спускаться в рандклюдт, сераки нависают слишком опасно, надо траверсировать дальше.

По третьей веревке, наконец, перепрыгиваем через бергшрунд и спускаемся снова на ледник. Снимаем веревки, оставив в скалах несколько крючьев. Через полкилометра — промоина, снова веревка, на этот раз последняя. Еще час блуждания среди сераков, разведок, и мы, наконец, на боковой морене. Дальше — почти дорога.

К вечеру успеваем добежать до березовой рощи. Тепло, сухо. В том числе и в переносном смысле (спирт кончился), но все равно хорошо. Не осталось и никакой еды, но даже это не сильно портит настроение, завтра будем уже в населенке.

Долина реки Сугран. Буйная растительность, от которой за месяц похода успели отвыкнуть. Черная смородина, жимолость, облепиха, дикая вишня. И быстро, быстро по тропе через перевал Белькандоу, ворота Северо-Западного Памира. Еще вчера в кишлак Девшар должна была прийти за нами машина, ждут ли нас водители?

Наконец, Девшар, и знакомые водители, с которыми мы попрощались в верховьях реки Ванч тридцать четыре дня назад. Наш трехсоткилометровый марафон через девять перевалов и две вершины успешно закончился.

Вадим Ветлужских: Снова предельно длинный маршрут, многочисленные серьезные перевалы и радиалки на большие горы. Все, как в 1997 на Центральном Тянь-Шане, но по прикидкам процентов на десять всего больше: перевалов, веревок, ходовых дней, метров в верхней точке, потерянных килограммов веса. Как тогда, провожаем последний вертолет и в полном автономе премя с приличными мешками вперед и вверх, и опять на вершине молоко, а вместо рвани Северного Иньльчека нас ждет сюрприз на Бырсе. Даже вклады в этимологию и топонимику — ледник, переименованный в «Кошак-Хана» семь лет назад, обернулся глаголом «бырсануть» применительно к тем же ледовым инструментам.

Одно существенное отличие, правда, есть. Тогда из девяти человек, вышедших на маршрут, закончили его пятеро — нынче же, мало того, что все намеченное прошли полностью и в полном составе, так даже Альфреда на Корженеву сводили, что, собственно, изначально не планировалось.

Что же больше всего запомнилось из пройденного?

Не знаю, кому как — а мне ребро Буревестника.

Вообще, на скалах не соскучишься, по-любому, лазить по ним гораздо интереснее, чем снег тропить или лед бурить. Понятно, скалолазы или альпинисты-технари могут обсмеять — нашли скалы, тоже мне. Но есть нюансы. За спиной двадцать пять килограммов, позади Коммунизм, а до ближайшего пива неделя и километров так восемьдесят.

Веревки, повешенные много лет назад, рвутся пальцами — в жизни такого не видел.

То слева, то справа стреляет. Стена Москвы как будто состязается с Трамплинным ледником, лавины слетают каждые двадцать минут. Зрелище впечатляет.

Вяжешь узлы, сдергиваешь перила, а в голове мысль: «Успеть бы до темноты.» С веревками-то успели, а вот по отрицательной осыпухе спускались на ледник вслед за Юркой в полной темноте нечувственным образом. Жора метров за триста фонариком подсвечивает — «огонечек дорогой, далеко ль ты светишь...»

«Вот и лето прошло, будто и не бывало...» Остались память, куча фотографий и надежда сделать когда-нибудь еще что-нибудь подобное. Какие наши годы.

Полная техническая информация об этом походе доступна в виде отчета в туристской библиотеке Новосибирска и Москвы, а также в Интернете:

<http://nmr.nioch.nsc.ru/pamir04/>